

Мотив дома в сборнике О. Мандельштама «Воронежские тетради» и И. Бродского «Часть речи»

Коломкина Вероника Владимировна

Студентка Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия

Общеизвестно, что Мандельштам принадлежал к числу поэтов, для Бродского значимых. Диана Абаева-Майерс замечает, что Бродский «ни одно имя не произносил с таким трепетом, как “Александр Сергеевич”. Разве что иногда “Осип Эмильевич”. Он мог восхищаться кем угодно, но эти поэты были частью его плоти...» [Абаева-Майерс: 101]. Томас Венцлова пишет, что Бродскому был свойственен поиск архетипических двойников, тождество и несовпадение с которыми позволили бы ему взглянуть на себя свыше либо осознать себя уже в завершённом времени [Венцлова: 85]. Бродский, как и Мандельштам, переживает травлю, ссылку, разлуку с родными, неприятие своего творчества на Родине. Мотивы одиночества, тоски по свободе, замкнутости и «тупика» жизни объединяют стихи Мандельштама воронежского периода и цикл Бродского «Часть речи», созданный в первые годы эмиграции. Очень значимым в этих сборниках является мотив дома, который у поэтов перестает отождествляться с уютом и благополучием и приобретает черты замкнутости и «чуждости».

Мотив дома в анализируемых сборниках Мандельштама и Бродского реализуется в первую очередь через образ «деревянного дома», в котором находится лирический герой. У обоих поэтов дом наделен характеристикой «чужой». В стихотворении Мандельштама «Я живу на важных огородах...» лирический герой замечает, что живет в доме лишь на правах гостя: «За стеной обиженный хозяин ходит-бродит в русских сапогах», «у чужих людей мне плохо спится». У Бродского в стихотворении «Узнаю этот ветер...» появляется образ «деревянного дома в чужой земле».

«Деревянный дом» является пространством замкнутым, огражденным от внешнего мира. Ни у Бродского, ни у Мандельштама мы не находим подробного описания дома: «портрет интерьера» создается повторяющимися художественными деталями: стена, потолок, пол – «половица», угол (что соотносится с выражением «быть загнанным в угол»). Особенно значимо при описании внутреннего пространства дома окно. С одной стороны, это возможность преодолеть замкнутость дома – увидеть мир «за окном», с другой же – это граница, не позволяющая проникнуть «дальше». У Мандельштама и Бродского окно показано заиндевелым / запотевшим «от тепла и от мороза». Как следствие, мир «за окном» представляется искаженным: его детали лирические герои дорисовывают сами. У Бродского также появляется «открытое окно» – связь с окружающим миром: оттуда веет ветер, «пахнет рыбой», в результате чего создается иллюзия возможности преодоления замкнутого пространства.

Образ замкнутости дома у Мандельштама усиливается характеристикой «без крыльца» («и нет ко мне гонца, и дом мой без крыльца»): связь между героем и внешним миром полностью отсутствует. Похожий образ находим у Бродского: в стихотворении «Это – ряд наблюдений...» появляется многослойная граница, отделяющая героя от мира: «веранда под натиском ивняка», шторы. Внутреннее пространство дома у Бродского описано более детально, чем у Мандельштама: у него появляется образ постели (кровати) как границы между сном / полудремой и реальностью; комод, который служит для обозначения потерянного времени: «за рубашкой в комод полезешь, и день потерян».

У Мандельштама в «щеглином» цикле мы встречаем метафорическое обозначение дома: клетка щегла, из которой птица стремится вырваться, сродни «деревянному дому», где находится лирический герой. Кроме того, в стихотворении Мандельштама «Я живу на важных огородах...» реализуется метафора комнаты-гроба: пространство дома сводится к гробу («половице – палубы гробовой доске»). Герою ощущается обреченность на смерть в этом «суженном мире».

У Бродского, в отличие от Мандельштама, мы находим другую метафору: у него «деревянный дом» становится метафорическим обозначением мира. Метафоры «океан-одеяло» («луна, поправляющая лучом прилив, как сползающее одеяло»), «небо-скатерть» («...и под скатертью стянутым к лесу небом») свидетельствуют о том, что лирический герой приравнивает пространство мира к пространству дома, тем самым показывает замкнутость их обоих.

Также Бродский говорит об ограниченности мира небесного – космоса. В стихотворении «Что касается звезд...» лирический герой находится на веранде - открытой части дома, но и это не помогает ему преодолеть ощущение замкнутости мира: обращаясь к звездам, он приходит к выводу, что «жизни, видимо, нету нигде».

Мандельштам находит альтернативу пространству «чужого дома»: единение с природой и миром небесным представляется ему спасительным, он обретает дом, не ограниченный никакими рамками: «счастливое небохранилище – раздвижной и прижизненный дом». Бродскому же мир природы видится «конечным»: «...ты проехал всю вселенную, дальше вроде / нет страницы податься в живой природе».

Для Бродского образ дома – это не только «деревянный дом в чужой земле», но и покинутый родной дом, который остался «за океаном». Одним из способов вернуться туда является пространство сознания – воспоминания лирического героя, но они только усиливают боль разлуки: родной дом представляется «разрушенным», оказывается «пустым местом, где мы любили».

В итоге как Мандельштам, так и Бродский приходят к выводу, что жизнь человека определяется не географическим пространством, а пространством творчества. Только творчество может спасти поэта, находящегося в замкнутом «чужом» доме. Оно дает абсолютную свободу и помогает преодолеть ограниченность пространства и времени.

Так звучит мотив дома в сборнике О. Мандельштама «Воронежские стихи» и цикле стихов И. Бродского «Часть речи».

Литература

- Абаева-Майерс Д.* «Мы гуляли с ним по небесам...» (Беседа с Исaiей Берлином) // Иосиф Бродский: труды и дни / Сост. Л. Лосев, П. Вайль. М., 1998.
Венцлова Т. Статьи о Бродском. М., 2005.